

УДК 821.161.1 + 821.111(73)
ББК 83(2Рос=Рус)52 + 83(7Сое)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. П. Уракова
г. Москва, Россия

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ» РУССКИХ ФОРМАЛИСТОВ И АМЕРИКАНСКИЕ ПОДАРОЧНЫЕ АЛЬМАНАХИ XIX В.: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В статье исследуются методологический потенциал и границы термина «литературный быт», предложенного русскими формалистами Б. А. Эйхенбаумом и Ю. Н. Тыняновым в применении к материалу иной языковой культуры. С одной стороны, термин не прижился в западном литературоведении и используется в основном славистами, изучающими историю формализма; адекватный перевод слова «быт» на английский язык так и не был найден. С другой стороны, формалистский концепт «литературного быта» оказался удивительно созвучен целому ряду направлений в западной гуманитарной науке, которые можно назвать не- или даже антиформалистскими. Высказывается мнение о том, что концепт остается по-прежнему актуальным научным инструментом для современных исследований, которые ставят своей задачей изучение динамичных границ между литературой и околотитулярной средой ее бытования, текстами и паратекстами; более того, открывает возможность достижения «компромисса» между формальным текстовым анализом и изучением материальной культуры. Учитывая, что сами формалисты писали о быте в связи с альманахами пушкинской эпохи, предлагается применить их метод к изучению американских подарочных альманахов первой половины XIX в., которые, ориентируясь на традицию английских кипсеков, даже в большей степени, чем русские альманахи, были связаны с материальной культурой своей эпохи.

Ключевые слова: русские формалисты, литературный быт, Б. М. Эйхенбаум, Ю. Н. Тынянов, современная литературная теория, американские альманахи XIX в., рождественский подарок, материальная культура, Э. А. По, Н. Готорн.

Информация об авторе: Александра Павловна Уракова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: alexandraurakova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 18.08.2017

Дата публикации: 15.03.2018

«Литературный быт» — неудобный термин, тем более в иноязычном контексте. В статье «Открытие быта русскими формалистами» С. Н. Зенкин справедливо отмечает, что «быт» принадлежит к формалистским понятиям, имеющим «самодельный» облик, «не отсылая к концептуальному аппарату какой-то философской системы или научной дисциплины», они используют «эфемерные коннотации речевого обихода, которые ас-

социровались с этими словами и которые ныне, по прошествии нескольких десятилетий, уже не так легко восстановить» [1, с. 305]. Сложность использования термина заключается и в непереводаемости слова на иностранные языки — факт, на который обратил внимание еще Роман Якобсон: «Любопытно, что в русском языке и литературе это слово и производные от него играют значительную роль, из русского оно докатилось даже до зырянского, а в европейских языках нет соответствующего названия — должно быть, потому, что в европейском массовом сознании устойчивым формам и нормам жизни не противопоставлено ничего такого, чем бы эти стабильные формы исключались» [5, с. 13]. В книге «Русский формализм. Метапоэтика» Питер Стайнер переводит существительное «быт» как «everyday life», а прилагательное «бытовой» как «extra-linguistic» или «extra-literary» в зависимости от контекста. Исследователь, однако, признает, что его перевод неадекватно передает содержание этого емкого понятия и потому предпочитает транскрибировать слово латинскими буквами [14, с. 48]. По-видимому, непереводаемость — одна из немаловажных причин, почему термин так и не прижился в западном литературоведении, в отличие, скажем, от «остранения», для которого удалось подобрать подходящие эквиваленты (de-familiarization, estrangement).

Вместе с тем именно интерес к «бытовому» аспекту литературного процесса сближает поздний формализм с целым рядом современных дисциплин. Исследования быта Эйхенбаумом, как нередко отмечается, можно назвать протосоциологическими; по словам Я. С. Левченко, «в трактовке Эйхенбаума литературный быт — междисциплинарное понятие; он проявляется только в контакте литературы с внеположенными ей контекстами и в этом смысле переключается с рядом концепций, во второй половине XX в. изменивших интерфейс гуманитарного знания» [2, с. 179–180]. Среди этих концепций — «новый историзм» 1980-х гг., метод так называемой микроистории Карло Гинзбурга и «бытология» Мишеля де Серто [2, с. 180]. Тыняновская концепция быта предвосхищает (опосредованно, через Лотмана) «поэтику культуры» основателя нового историзма Стивена Гринблатта; изучением культуры повседневности («everyday life») на протяжении последних нескольких десятилетий занимаются cultural studies. Любопытна закономерность развития интеллектуальной мысли: подобно тому, как «поворот» формалистов к быту в 20-е гг., по словам Оге Хензена-Леве, явился «последовательной сменой в парадигме научной мысли» [7, р. 98], интерес к повседневности, бытовому, внелитературному материалу в 1970–1980-е гг. был, прежде всего, реакцией на послевоенное засилие «формальных» подходов в литературоведении, практикуемых Новыми критиками, а позднее структуралистами и постструктуралистами.

Сдвиг от «метода» к «материалу», от формальных подходов к изучению быта можно наблюдать и в рамках новейших гуманитарных дисциплин (суб-дисциплин), в частности, в рамках популярных сегодня исследований периодических изданий (periodical studies). В статье-манифесте 2006 г. «Становление исследований периодических изданий» («The Rise of Periodical Studies») Пол Лэтем и Роберт Шольц обрушиваются с критикой на предшественников, которые рассматривали журналы исключительно как «контейнеры», содержащие литературный материал (речь идет в первую очередь о так называемых «малых журналах»). Например, в ходе архивации журналов в библиотеках рекламные объявления не сохранялись только потому, что не представляли художественную ценность. Для Шольца и Лэтема такой подход представляется недопустимым: журнал должен изучаться как автономный объект, единое целое, все составляющие которого равноценны. Реклама в журнале — это, безусловно, то, что всецело принадлежит быту. Ее игнорирование, уничтожение или, наоборот, сохранение

и изучение напрямую зависит от отношения к бытовому материалу: в одном случае, с позиций традиционного литературоведения, которое критикуют Шольц и Лэтэм, — это «сор», «слепое пятно», «фон»; в другом — в случае самих *periodical studies* — важный объект культуры [10, pp. 517–553].

В то же время для большинства современных междисциплинарных исследований, ориентированных на *cultural studies* (*periodical studies* не исключение), характерно, если можно так выразиться, «вытеснение» литературы бытом, за что они часто подвергаются критике со стороны право-консервативных литературоведов, будь то Харольд Блум или Новые формалисты. Русских формалистов быт, напротив, интересовал прежде всего в связи с вопросами литературной истории, литературной эволюции, литературного факта и жанра, причем независимо от того, понимался ли быт как Иное (у Эйхенбаума) или как речевой акт и текст (у Тынянова). В формалистских концепциях «литературного быта», таким образом, содержится методологический потенциал для работ, изучающих не культурную среду / повседневность как таковую, а динамически подвижные границы литературы и быта, причем как в диахронном, так и в синхронном плане. Тем самым открывается возможность достижения «компромисса» (потребность в котором весьма остро ощущается в современном гуманитарном знании) между историей литературы и *cultural studies*, формальным текстовым анализом и изучением материальной культуры эпохи. Наконец, нельзя не согласиться с Я. С. Левченко в том, что «в отличие от концепций остранения, затрудненной формы и даже литературного факта, занявших достойное место в истории филологической науки», теория литературного быта остается актуальной сегодня именно «вследствие вызывающей незавершенности и обилия межеумочных, мерцающих интуиций» [2, с. 179]¹.

Обратиться к методологии формалистов для исследования литературных альманахов XIX в. тем более заманчиво, что сами формалисты о них писали, концептуализируя понятие «литературного быта». Например, Эйхенбаум во всех своих статьях, посвященных этой теме, — «Литературный быт», «Литературная домашность», «Литература и писатель» — как важную веху в истории русской литературы отмечает переход от альманахов, имеющих «любительский» характер, к периодической литературе. В статье «Литературная домашность» он помещает альманахи между «домашними» и профессиональными формами литературы или, точнее, домашними альбомами и профессиональными журналами: Языков предпочитал альманахи журналам, защищая архаические для конца 1820-х гг. формы истинной «домашности», тогда как Пушкин, ратовавший за профессионализм писателя, считал, что «пора задуть Альманахи» [4, с. 85–86].

Несмотря на то что литературный процесс в США первой половины XIX в. развивался во многом иначе, чем в России, вошедшие в моду в 1820–1830-е гг. альманахи — *annuals*, или, как их часто называли, *gift books* (буквально: подарочные книги) — точно так же занимали переходное положение между рукописными альбомами и ежемесячными журнальными изданиями². Многие альманахи (в особенности ранние) оставляли место для рукописного посвящения; одни и те же издательства выпускали альманахи и пустые альбомы для домашнего пользования [9, p. 140]. «Коммуникативное пространство» [7, p. 92], формируемое альманахами, было особого рода. С одной стороны, аль-

¹ Левченко пишет о концепции Эйхенбаума, но его высказывание, как нам представляется, столь же применимо к концепции Тынянова.

² Мода на альманахи в США пришла из Англии, где в 1826 г. был издан знаменитый «Форгет-ми-ног».

манахи представляли собой исключительно литературные издания: в них публиковались стихи и проза, реже эссе, на их страницах печатались практически все будущие американские классики первой половины XIX в. — Эдгар Аллан По, Натаниэль Готорн, Ральф Уолдо Эмерсон, Генри Лонгфелло, Хэрриет Бичер-Стоу. С другой стороны, альманахи издавались с конкретной, практической целью: это были первые в Америке товары, которые производились специально для продажи в качестве рождественских и новогодних подарков [12, p. 143]. Как и полагается подарку, альманах был красиво оформлен: в переплете из тисненой кожи, бархата и сафьяна, нередко в миниатюрном формате октаво, с золотыми обрезами и жемчужным орнаментом, альманах был предметом роскоши. Гравюры — гордость издателей — стоили дороже и ценились больше, чем художественные тексты [15, p. 37–48]. Дело в том, что американские альманахи ориентировались на традицию английских кипсеков — разновидность альманахов, которую отличало повышенное внимание к внешнему виду книги: альманах-кипсек был прежде всего рождественским подарком, изящной безделицей, красиво оформленным сувениром. Представляется, что в этом отношении американские gift books являются даже в большей степени, чем русские альманахи, подходящим предметом для изучения литературного быта: они были в первую очередь связаны с материальной культурой своего времени, зарождающимся консюмеризмом и ритуальными практиками обмена дарами (преимущественно) на Рождество и Новый Год.

Неудивительно, что, в отличие от журналов, альманахи бережно хранились — как книги. Правда, в отличие от книг, их обычно держали не в библиотеке, а на столике в гостиной, вместе с безделушками, как предмет декора. Здесь мы наблюдаем любопытный бытовой аспект: альманахи были частью домашнего обихода, буквально занимая промежуточное положение между изящной литературой, с одной стороны, и вещью, с другой. Двойственная природа альманахов по-разному обыгрывалась современниками. Например, в самих альманахах встречается — в шутливо-комической форме — сюжет о том, что они на самом деле вообще «не предназначены для чтения». Альманахи выполняют какие угодно внелитературные функции, например, служат соединению двух сердец или установлению светских отношений, но читать при этом их не только не обязательно, но и зачастую вредно³.

Вещность, материальность альманахов, таким образом, была одним из фильтров восприятия литературных текстов, «одрагоценненных и обамуленных» (*begegmed and beamuleted*), по словам Альфреда Теннисона [11, p. 235] (*Gems и Amulets* — типичные названия альманахов), в том числе и в рамках авторской саморефлексии. Например, Ральф Уолдо Эмерсон галантно писал своему другу Уильяму Генри Фернесу, редактору альманаха «Диадема»: «Посылаю тебе несколько своих сочинений — гранаты (*garnets*) для твоей “Диадемы”» [13, p. 39]. А вот Натаниэль Готорн, напротив, сетовал, говоря о пожелтевших, изъеденных мышами страницах и потрепанных сафьяновых обложках альманахов, где печатались его ранние рассказы. Рассказы Готорна, многие из которых он предпочел не перепечатывать, как бы тлели и разлагались вместе с забытыми альманахами, буквально став неотделимой от них частью [8, p. 1150]. Литературный быт, по Эйхенбауму, — институциональные формы бытования литературы, ее среда — был, таким образом, совершенно особым образом маркирован.

Исследование быта альманахов тем не менее не должно ограничиваться изучением вне- или околослитературных отношений писателей, издателей и читателей.

³ На этой сюжет, в частности, написан знаменитый рассказ Кэтрин Марии Сэджуик “*Cacoethes Scribendi*”, опубликованный в альманахе «Атлантик сувенир» за 1830 (1829) г.

Не меньший интерес представляют публикуемые в них тексты — и здесь очень кстати подходит тыняновская риторическая, текстуальная модель литературного быта. Речевой акт, по Тынянову, может осознаваться как литературный факт, а может всецело принадлежать к фактам быта. В знаменитой статье «Литературный факт» Тынянова интересуется вопрос литературной эволюции, т. е. диахронии: шарады и логогрифы были литературным жанром во времена Карамзина, но впоследствии сместились из центра на периферию, перешли в быт, став детской игрой и т. п. [3, с. 266]. Как справедливо отмечает С. Н. Зенкин, «Тынянов усматривает между литературным бытом и литературой более сложное отношение — не просто экспансии, а диалектической обратимости» [1, с. 316]. В то же время нам представляется, что соотношение бытового и литературного в текстовом, речевом аспекте можно рассматривать и в синхронии, через метафору соседства, границы, понимая быт вслед за Тыняновым как «домашнюю» жизнь литературы, «скреживающуюся» с ее институциональным бытом, но не поглощаемую им [1, с. 315].

На примере альманахов можно говорить об особым образом структурированной риторике, связывающей воедино форму изданий, их содержание и функцию. Бытовыми элементами можно считать, например, подпись и рукописное посвящение дарителя, вступительное слово редактора, чаще всего так или иначе акцентирующее функцию альманаха как рождественского подарка. Интереснее дело обстоит с текстами, которые написаны, например, в жанре стихотворения или небольшого рассказа, но при этом содержат более или менее скрытую рекламу издания, где они напечатаны. Приведем пример. Известный альманах «Тоукен» («The Token») опубликовал на своих страницах следующее стихотворение рекламного содержания: "I come with a Gift. 'Tis a simple flower / That perhaps may wile a weary hour, / And a spirit within a magic weaves / That may touch your heart from its simple leaves — / And if these should fail, It at least it will be / A t o k e n of love from me to thee." [«Я пришел с Даром. Это простой цветок, Который возможно скрасит скучный час, Магия его простых лепестков, может быть, растрогает Ваше сердце. Но если это не удастся, У Вас хотя бы останется знак (token) моей любви к Вам»] [6, р. 1]. Слово token — название альманаха — выделяется в стихотворении графически; стихотворение открывает издание, служа своеобразным посвящением книги. Читая такое стихотворение на страницах альманаха, мы вправе задаться вопросом, принадлежит ли оно к области литературы или быта? Опубликовано ли оно как художественный текст или же его у него исключительно функциональная, прикладная роль, отсылающая к бытовой ситуации дарения?

Нередко «рекламные» отсылки, порой выделенные графически, можно встретить в рассказах, связанных с темой подарка или праздника. Далеко не все из них столь же очевидны; мы имеем дело с подвижной, неустойчивой границей бытового и литературного. К примеру, в альманахе «Гифт» встречается несколько рассказов с повторяющимся сюжетом: предназначенный в подарок предмет, символически замещающий собой альманах — например, альбом-гербарий или валентинка, — таинственным образом попадает не по назначению; сюжет строится таким образом, что в конце концов, после ряда злоключений, подарок попадает к той, для кого он был предназначен. Тем самым инсценируется воображаемый маршрут альманаха: ожидаемые в романтическом рассказе тайна и препятствия счастливым образом разрешаются; доставка сбившегося с пути письма / альбома призвана лишней раз напомнить читательнице, что и она держит в руке предназначенный только для нее подарок — знак любви, привязанности или дружбы [16, р. 333–337]. В этом контексте опубликованный в «Гифте» рассказ Эдгара По

«Похищенное письмо» — рассказ о (возможно любовном) письме, которое похищают, но которое, благодаря разгаданной Дюпену тайне, возвращается на место, доставляется по назначению — получает как бы дополнительный, контекстуальный, смысл. В то же время Дюпен, благородный вассал дамы, не дарит письмо королеве, но обменивает его при помощи посредника, префекта, на чек с круглой суммой; более того, с помощью подложного факсимиле сводит давние счета с похитителем, министром D. Все это позволяет задуматься о пародийной инверсии в рассказе По: похищенное письмо, которое становится объектом коммерции и орудием мести, не что иное, как альманах наоборот, подобно вывернутой наизнанку перчатке, с которым оно сравнивается в рассказе [16, p. 337–346].

Еще один небольшой пример контекстуальной инверсии: среди многочисленных рассказов Н. Готорна, опубликованных в альманахе «Тоукен», — один из самых его известных текстов, «Черная вуаль священника». Можно с достоверностью сказать, что Готорн, в отличие от По, не писал «Черную вуаль» специально для альманаха, но стал сотрудничать с изданием после того, как безуспешно пытался опубликовать рассказы единым циклом. Тем не менее в сборнике, всячески акцентирующем мотив дара как знака (token) любви и привязанности, рассказ о священнике, превратившем вуаль — обычный атрибут дамского туалета — в зловещий и двусмысленный символ, может быть прочитан как своего рода инверсия ценностей и идеалов, проповедуемых альманахами. «Дар» Хупера прихожанам, принесенная им жертва вносит смуту и раскол, приводит к отчуждению и одиночеству не только в жизни, но и после смерти (пастора, по его требованию, хоронят с маской на лице). Многозначность символа в рассказе Готорна контрастирует с семиотической однозначностью «знаков», тиражируемых альманахами. В то же время материальность вуали (как, впрочем, и материальность похищенного письма) заставляет задуматься о более глубоких связях между литературой и бытом, если под бытом в данном случае понимать риторические конструкции альманаха — одновременно книги и подарка, вещи и знака.

Литературный быт, в своей соотнесенности с литературой, а не отдельно от нее, позволяет рассматривать журналы, в данном случае альманахи, как единое целое. Концепции Эйхенбаума и Тынянова не взаимоисключают, но дополняют друг друга. Все зависит от фокуса внимания, которое направлено или на социальные отношения между писателями, издателями и читателями альманахов, или же на тексты, которые в той или иной степени «обслуживают» альманах, несут в себе дополнительную смысловую нагрузку, отсылая к его внелитературной, «домашней» жизни. И в том, и в другом случае формалистские концепции «литературного быта» позволяют осмыслить случайность в литературе, систематизировать необязательные, сугубо контекстуальные смыслы, возникающие на стыке литературного и внелитературного⁴. В этом видится их актуальность и своевременность для современных исследований самых различных литератур, невзирая на непереводаемость и «неудобность» самого термина в иноязычных контекстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Зенкин С. Н.* Открытие «быта» русскими формалистами // *Зенкин С. Н.* Работы о теории. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 305–324.

⁴ И в этом тоже формализм, по-видимому, сближается с новым историзмом, правда, скорее с его ранними работами, ставшими классикой в истории современной литературной теории.

- 2 *Левченко Я. Н.* Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. 304 с.
- 3 *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт // *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–270.
- 4 *Эйхенбаум Б. М.* Литературная домашность // *Мой современник.* Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 83–87.
- 5 *Якобсон Р. О.* О поколении, растратившем своих поэтов // *Якобсон Р., Святополк-Мирский Д.* Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris: Mouton, 1975. С. 8–34.
- 6 *Anon.* The Gift // The Token: A Christmas and New Years Present for 1829. Boston: Gray and Bowen, 1828. P. 1.
- 7 *Hansen-Löve A.* «Бытология» между фактами и функциями // *Revue des études slaves.* 1985. Vol. 57, no 1. P. 91–103.
- 8 *Hawthorne N.* Preface to Twice-told, Preface to Snow-Image // *Hawthorne N.* Tales in Nathaniel Hawthorne, Tales and Sketches. New York: Library of America, 1982. P. 1150–1153, 1154–1157.
- 9 *Jackson L.* The Business of Letters: Authorial Economies in Antebellum America. Stanford: Stanford University Press, 2008. 331 p.
- 10 *Latham S., Scholes R.* The Rise of Periodical Studies // *PMLA.* 2006. Vol. 121. P. 517–553.
- 11 *Ledbetter K.* “Begemmed and Beamuletted”: Tennyson and Those “Vapid” Gift Books // *Victorian Poetry.* 1996. Vol. 34, no 2. P. 235–245.
- 12 *Nissenbaum S.* The Battle for Christmas. New York: Vintage Books, 1996. 400 p.
- 13 *Records of a Life-long Friendship, 1807–1882, Ralph Waldo Emerson and William Henry Furnace,* edited by H.H.F. Boston: Houghton Mifflin, 1910. 195 p.
- 14 *Steiner P.* Russian Formalism: A Metapoetics. Ithaca: Cornell University Press, 1984. 280 p.
- 15 *Thompson R.* American Literary Annuals and Gift Books, 1825–1865. New York: The H. W. Wilson Company, 1936. 183 p.
- 16 *Urakova A.* “The Purloined Letter” in the Gift-Book: Reading Poe in a Contemporary Context // *Nineteenth-Century Literature.* 2009. Vol. 64, no 3. P. 323–346.

* * *

© **Alexandra P. Urakova**
Moscow, Russia

**“LITERATURNY BYT” OF RUSSIAN FORMALISTS
AND NINETEENTH-CENTURY AMERICAN GIFT BOOKS:
CROSS-CULTURAL RESEARCH PERSPECTIVES**

Abstract: The essay explores methodological potential of the term “literaturny byt” (literary everyday life) coined by Russian Formalists, Boris A. Eikhnenbaum and Yuri N. Tyanyanov, applying it to the study of Anglophone culture. On the one hand, this term has almost no currency in the Western literary theory being familiar mainly to Slavists who study the history of Russian Formalism; there is no adequate translation of the word “byt” into English. On the other this concept is remarkably congenial with the

tools of a number of contemporary theoretical schools that proclaimed themselves and are known as anti-formalist. The author argues that “literaturny byt” may be employed an important critical tool for the study of dynamic boundaries between the literary and extra-literary, texts and para-texts and therefore offers a “compromise” between formal textual analysis and material culture history. Given that Russian Formalist applied “literaturny byt” to the study of annuals in the so called Pushkin period of Russian literary history, it seems reasonable to expand the geographical scope and use it in the study of American antebellum gift books. Modelling themselves on British keepsakes, gift books were even more closely engaged with material culture of their time than Russian annuals.

Keywords: Russian Formalists, literaturny byt (literary everyday life), Boris M. Eikhenbaum, Yuri N. Tyanyanov, contemporary literary theory, nineteenth-century American gift books, Christmas gifts, material culture, Poe, Hawthorne.

Information about the author: Alexandra P. Urakova — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: alexandraurakova@yandex.ru

Received: August 18, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Zenkin S. N. Otkrytie “byta” russkimi formalistami [The discovery of “byt” by Russian Formalists]. Zenkin S. N. *Raboti po teorii* [Studies in theory]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 305–324. (In Russian)
- 2 Levchenko Ya. N. Drugaya nauka: russkie formalisti v poiskah biografii [Other science: Russian Formalists in search of biography]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012. 304 p. (In Russian)
- 3 Tyanyanov Yu. N. Literaturny fact [Literary fact]. Tyanyanov Yu. N. *Poetics. Literary History. Cinema*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 255–270. (In Russian)
- 4 Eikhenbaum B. M. Literaturnaya domashnost' [Literary domesticity]. *Moi vremennik. Put' v bessmertie* [My annals. The route to immortality]. Moscow, Agraf Publ., 2001, pp. 83–87. (In Russian)
- 5 Jakobson R. O. O pokolenii, rasstavivshim svoih poetov [On the generation that wasted its poets]. Jakobson R., Svytopolok-Mirsky D. *Smert' Vladimira Mayakovskogo* [On the death of Vladimir Mayakovsky]. The Hague; Paris, Mouton, 1975, pp. 8–34. (In Russian)
- 6 Anon. The Gift. *The Token: A Christmas and New Years Present for 1829*. Boston, Gray and Bowen, 1828, p. 1. (In English)
- 7 Hansen-Löve A. “Bytologiya» mezhdru faktami i funktsiiami”. *Revue des études slaves*, 1985, vol. 57, no 1, pp. 91–103. (In English)
- 8 Hawthorne N. Preface to Twice-told, Preface to Snow-Image. *Hawthorne N. Tales in Nathaniel Hawthorne, Tales and Sketches*. New York, Library of America, 1982, pp. 1150–1153, 1154–1157. (In English)
- 9 Jackson L. *The Business of Letters: Authorial Economies in Antebellum America*. Stanford, Stanford University Press, 2008. 331 p. (In English)

- 10 Latham S., Scholes R. The Rise of Periodical Studies. *PMLA*, 2006, vol. 121, pp. 517–553. (In English)
- 11 Ledbetter K. “Begemmed and Beamuletted”: Tennyson and Those “Vapid” Gift Books. *Victorian Poetry*, 1996, vol. 34, no 2, pp. 235–245. (In English)
- 12 Nissenbaum S. *The Battle for Christmas*. New York, Vintage Books, 1996. 400 p. (In English)
- 13 *Records of a Life-long Friendship, 1807–1882, Ralph Waldo Emerson and William Henry Furnace*, edited by H.H.F. Boston, Houghton Mifflin, 1910. 195 p. (In English)
- 14 Steiner P. *Russian Formalism: A Metapoetics*. Ithaca, Cornell University Press, 1984. 280 p. (In English)
- 15 Thompson R. *American Literary Annuals and Gift Books, 1825–1865*. New York, The H. W. Wilson Company, 1936. 183 p. (In English)
- 16 Urakova A. “The Purloined Letter” in the Gift-Book: Reading Poe in a Contemporary Context. *Nineteenth-Century Literature*, 2009, vol. 64, no 3, pp. 323–346. (In English)